

Мне иногда кажется, что это было так давно — словно в другой жизни. Но в то же время не покидает мысль, что все это случилось совершенно недавно.

В образе каких-то невероятных, совершенно изумительных, сказочных картинок перед глазами мелькают годы моего детства. Наполненные солнцем улицы моего родного Минска. Счастливые лица людей. Множество цветов на улицах и площадях города. Духовые и симфонические оркестры перекликаются в полифонии восторженных звуков. В городских парках и пригородах. На земле и на небе. И, конечно же, лица моих родителей — молодые и радостные! Конец шестидесятих годов у меня в памяти почему-то сохранился не в черно-белых тонах кинохроники и фотографий, а как ярко раскрашенные цветные кадры.

Именно в один из таких светлых и солнечных дней я прибежал в школу. Не начав урок, наша первая учительница вывела нас из класса и выстроила в рекреации второго этажа школы, объявив, что сейчас состоится школьная линейка. По какому поводу — нам не сказали. Однако нас это сильно не расстроило. Главное, что урок отменили. Значит, мы вполне на законных основаниях могли прогулять какое-то время монотонной зубрежки и бесконечных правильных наставлений.

Мы стояли и от нечего делать рассматривали за стеклом экспонаты нашего школьного музея. Там красовались разные советские символы — Красное знамя школьной пионерской организации, бюст вождя мирового пролетариата В.И. Ленина и множество вымпелов и грамот. Все эти атрибуты нашей школьной жизни призваны были создать особую торжественную обстановку. Глядя на них, всем казалось, что сейчас возможно состоится что-то очень важное. Ведь не зря же почти все классы выстроились здесь. Впрочем, дети оставались детьми везде и всегда. Кто-то из ребят дергал за косички девчонок, кто-то игриво кривлялся. Но в мыслях буквально каждого крутилось, что просто так в начале уроков общешкольное построение не проходит.

Наконец, все замерли и перед нами предстали завуч школы и директор. Надо сказать, что директор школы — личность была очень известная и уважаемая. Эта женщина появлялась всегда в каком-то изысканном, дорогом наряде. Отдаленно она напоминала одну очень знаменитую певицу, которая пела о широкой реке Волге. На людях директор всегда была сдержанной, скромной и подчеркнуто официальной. Вот и сейчас она предстала перед нами в строгом белоснежном костюме с орденскими планками на лацкане пиджака — высокими государственными наградами за войну. Все знали, что в молодости она была активной комсомолкой, храброй связной в одном легендарном партизанском отряде. От тех страшных лет войны у нее сохранился строгий, прямой и бескомпромиссный характер. Как правило, ее слова не расходились с делами. Если партия говорила «надо» — она шла и без рассуждений выполняла. Не за страх, что называется, а за совесть. Сейчас, перед нашими глазами, ее облик, вся ее величавая стать напоминали нам, что она и есть тот самый представитель советской власти, перед которым надо быть особенно осторожным и внимательным. В коридорах школы сразу же наступила удивительная тишина.

— Я собрала вас, мои дорогие ребятки, — раздался ее хорошо поставленный голос с правильной русской речью (все к этому располагало, так как она была все-таки учительницей русского языка и литературы) — чтобы вы могли сами убедиться, какие у нас, с позволенья сказать, горе-ученики имеют, так сказать, право учиться! В нашей самой лучшей в мире советской школе!

Всем показалось, что наступившая в эти минуты тишина погрузила школу в некое опустошительное недоумение. Все звуки за окнами будто исчезли. Директор молчаливо, словно командующая армии, разглядывала притихших учеников и моментально ставших серьезными учителей. Затем она назвала имя и фамилию какого-то мальчика и повелела ему выйти из строя. Мальчик-первоклашка с трудом выбрался из заднего ряда. Все удивились еще больше, когда перед нами предстал совсем робкий и застенчивый ребенок, совершенно не похожий на мальчишек-разбойников, которые шалят на переменах, или из-за которых учителям приходится краснеть перед нашим грозным директором. Тут же все его сверстники и другие школьники стали перешептываться и переглядываться, теряясь в догадках, что мог этот невзрачный, низенького роста, мальчонка натворить. Буквально у

всех мелькнул банальный вопрос: а, собственно, из-за чего с утра пораньше весь этот сыр-бор? На фоне достаточно солидной женщины с боевыми наградами на груди мальчишка казался еще более застенчивым и безобидным.

— Вот, дорогие дети... перед нами ученик 2-го класса Саша (я специально опускаю его настоящие имя и фамилию), который забыв, что он носит высокое звание советского школьника, октябрёнка, позволил себе нацепить то, что мне даже стыдно здесь назвать. Какой-то позорный крестик! Как ему такое могло только в голову прийти! — Grimаса на лице директора едва сдерживала, как ей казалось, праведный гнев.

От этих слов все школьники на линейке насторожились. Над классами пронёсся гуд, словно пролетел дикий пчелиный рой. Затем снова обрушилась мертвая тишина. Она убивала почти каждого, кто пытался рассмотреть виновника. Многие все-таки от любопытства выкручивали свои шеи, стараясь как можно лучше рассмотреть мальчишку. Кто-то ехидно улыбался. Лица иных — в страшном испуге, словно окаменели. Некоторые старались даже не поворачивать головы в ту сторону, где все так же на фоне этого разноликого сонмища учеников выделялась скромная фигурка маленького мальчика. Директор продолжала стоять, сохраняя свою подчеркнута официальную позу главной начальницы всего происходящего. При этом она как-то по-военному прижимала руки к бедрам, словно действительно была на армейском смотре.

— Я приказываю тебе снять это безобразие! — Вдруг раздался ее величественный и громовой голос.

Все учащиеся на линейке от этих слов словно остолбенели. Никто в эти секунды и не думал хихикнуть, или подать еще какой-либо странный звук. Однако тот первоклашка, к которому и обращена была эта грозная команда, словно и не замечал, что это именно к нему обращается наш директор школы — само олицетворение праведного советского закона.

— Я, кажется, ясно выразилась! — Директор незаметно сделала полшага к преступнику, словно раздался предупредительный выстрел вверх.

Но мальчик по-прежнему оставался непоколебим. Казалось, что никакое слово или движение не могло его убить.

Помню, что только в тот момент я впервые отчетливо увидел силуэт незнакомого мне мальчишки, который стоял, понутив голову, перед нами, и казалось, что в этот момент он действительно никого и ничего не боится. Какая-то невиданная и неизвестная сила была на его стороне. В то же время, у меня промелькнула мысль: как посмел этот человек такое вытворить! Почему он ослушался самого директора и не выполнил его приказ? Кто дал ему такое право? И как это вообще могло случиться в нашей школе? Ведь это же позор! Самый настоящий позор для всех нас!

Не знаю, были ли подобные мысли у кого-либо еще, а только я, как мне казалось тогда, действительно был на стороне нашего уважаемого директора. Впрочем, помню, что одновременно мне совершенно искренно было жалко этого мальчишку, который, что называется, зачем-то среди бела дня взял и нашел себе проблему. Ослушался самого директора школы!

Директор, понимая, что все сейчас идет не по ее запланированному сценарию, вдруг, словно сорвавшийся с цепи пес, разразилась страшным лаем, из которого нам, младшеклашкам, только и можно было понять отдельные фразы и предложения. Поток на нас обильно посыпалось, что мы все, «когда партия и

ленинский комсомол трудятся на стройках пятилетки, должны осознавать, кто мы такие... когда идет беспощадная борьба с пережитками прошлого», когда наши «выдающиеся деятели культуры, спортсмены и космонавты первыми доказывают превосходства нашего социалистического строя»... «когда мы чтим память всех погибших в страшной и кровавой Великой Отечественной войне»... «когда мы носим высокие звания октябрят и пионеров — помощников нашей родной и горячо любимой партии»... «мы должны осознавать, что мы не просто пионеры и комсомольцы, мы все — истинные продолжатели великого дела, великого Октября!» Затем голос директора становился совсем мрачным и стальным, и она продолжала сыпать какие-то важные и таинственные для всех нас слова: «Но вдруг оказывается, что находятся такие недостойные дети, вроде этого мальчишки, который осмеливается нести в нашу школу «религиозное мракобесие вроде пресловутого “опиума для народа”. Подрывать устои нашего родного советского строя, бросать тень на нашу самую лучшую на свете советскую школу! Но мы этого не позволим!»

Вся эта продолжительная словесная тирада гремела и буйствовала в коридорах школы. Голос директора, казалось, был слышен далеко за пределами школьных стен. Можно было подумать, что она выступала не перед школьниками, а на очередном партийном собрании или среди депутатов трудящихся, где ей не раз приходилось бывать. Однако слова эти совсем не задевали стоящего перед нами мальчика. Он с грустно опущенной головой оставался на своем месте, совершенно не пытаясь хотя бы как-то реагировать на происходящее.

Тогда наш всесильный «командующий» подошла к мальчику, быстрыми движениями залезла к нему под рубашку. Ребенок попытался сопротивляться, но тяжелая и властная рука директора пресекла его попытку. Она, уже совершенно не смущаясь, словно у себя дома, презрев свое строгое достоинство и официальность, невзирая на все и всех, сорвала злополучный махонький крестик с его груди. В этот момент образ нашего директора, этого живого памятника советской эпохи, словно куда-то исчез, и перед нами на миг появилась уже не первой свежести, обычная сварливая баба из народа, которая так бесцеремонно решила расправиться с мальчиком на глазах у всей школы. Она тут же незаметно положила крестик в боковой карманчик своего белоснежного пиджака, давая понять всем, что на этом инцидент исчерпан.

Вдруг мы увидели, как до этого спокойный мальчик стал совсем по-детски вытирать рукавом нахлынувшие слезы. Потом под общее молчание и совсем робкий шепот учеников, после команды директора, едва не упав, поплелся в строй.

В этот момент у начальницы был ликующий и торжествующий вид. Казалось, что она только что расправилась перед нами не с робким и застенчивым мальчонкой, а с хорошо вооруженной группой сильных бандитов. Победила ее, и вот теперь наслаждается этой безусловной победой! Она еще что-то в спину бросила этому маленькому бедолаге. Помню, кажется, что-то вроде того, что его родители, на которых она очень хотела бы взглянуть, должны в ближайшее время явиться пред ее грозными очами в страшном кабинете. Затем снова приняла свой властный и такой торжественный, почти мемориальный вид, что всем показалось, что этот «живой памятник» великой славы советского строя снова занял свое место на пьедестале. Значит, все у нас в школе на месте. Все может идти своим прежним, привычным чередом. Тут же она легким кивком головы дала знать завучу школы, что на этом общешкольная линейка закончена.

Нас молча, без каких-либо комментариев со стороны учителей, развели по классам...

Я не помню, чтобы кто-то в нашем классе возражал, обсуждал или вообще как-то реагировал на все то, что мы видели на линейке. Все больше, насупившись, молчали и, как мне казалось, старались даже и не думать об этом. Начался урок, и мы все тут же позабыли о том, что случилось в то утро. Будто ничего и не было.

...Прошли годы. Вернее, они просто мгновенно и безжалостно пролетели.

Как-то однажды в начале двухтысячных годов я был приглашен на закрытие Рождественских чтений в Государственный Кремлевский дворец. Помню, как в перерыве заседания журналисты с видеокамерами и люди подходили к архиереям, брали у них интервью. Особенно у известных и знаменитых. Как те с чувством достоинства и своей значимости их раздавали. Как сустились миряне, чтобы выразить свою признательность известным людям, чтобы взять благословение у разных уважаемых «батюшек». Неожиданно рядом со мной оказался один невзрачный тихий священник средних лет. Мы разговорились, и оказалось, что мы земляки. Потом на мгновение расстались и в суете общений и толкотни совсем потерялись.

Уже после, когда все закончилось, и все ринулись, кто — на торжественную трапезу, а кто в гардероб, мы снова увиделись. На этот раз уже не расстались и вышли вместе. Уже было совсем темно, когда под легкий снежок мы выходили из Кутафьей башни Московского Кремля. Мне почему-то показалось, что он никуда не спешит, и здесь, в Москве, его никто не ждет. Я предложил ему отправиться ко мне домой и поужинать. Батюшка — отец Александр — согласился.

Добрались мы до дома быстро, заполняя наш разговор впечатлениями об увиденном и услышанном на Рождественских чтениях и какими-то незначительными воспоминаниями о Минске, о том далеком советском времени.

Когда дома мы сели ужинать, мне показалось, что отец Александр сильно устал за эти дни. Моя жена при этом хлопотала на кухне, радостно встречая такого гостя. Все-таки, священник в нашем доме был редкостью. Когда мы уже сидели и ужинали, говоря на незначительные темы, все больше касаясь приходской жизни в нашей церкви и вообще церковной жизни и литературы, не помню, как это произошло, я поведал батюшке о том случае, который произошел в моем детстве на утренней линейке в школе. Батюшка, словно это было совсем недавно, совершенно как-то спокойно и даже, как мне показалось, равнодушно, заметил, что он и был тем самым мальчиком, с которого тогда директор школы сорвала крестик. Затем, нисколько не смущаясь и даже не реагируя на мое искреннее удивление, неожиданно попросил для себя бутылочку пива. Тогда я сказал, что у меня дома пива нет. Он не огорчился и продолжал спокойно есть. Однако от услышанного у меня в груди словно что-то оборвалось. В одно мгновение в душу нахлынул сонм совершенно разных, противоречивых чувств. Казалось, что меня словно распотрошили на этом месте, и все внутренности повылезали, словно у мерзкой, страшной лягушки. Что-то постыдное и горькое застряло в сердце и мешало свободно дышать. Чтобы как-то перестроиться и сбросить с себя все это, я тут же предложил ему, что сейчас же сбегаю в магазин и принесу ему просимое.

— Не беспокойтесь... впрочем, и без этого можно ...

— Да мы все понимаем, батюшка... — вдруг сказала жена. — Видно, что устали за день.

Видя его усталый вид, я все-таки не мог ему отказать в этой его такой, как мне показалось тогда, милой, безобидной и нелепой для духовного лица просьбе. Я

тут же попытался в этом весьма солидном батюшке представить того невзрачного, тихого мальчика, но у меня из этого ничего не получалось. Даже на секунду подумалось: а не придумал ли этот незнакомый мне священник про мальчика, желая почему-то понравиться нам и тем самым отблагодарить за гостеприимство.

— И все-таки я сбегая за пивом, — сказал я, и тут же почти выбежал из квартиры. Пока я бегал за этой злополучной «бутылочкой», я окончательно убедился, что это был тот самый мальчик из моей родной минской школы. Когда я прибежал с пивом и сел за стол, то почувствовал, что батюшка вроде как уже и не рад, что сознался в том детском эпизоде своей жизни. Я тоже чувствовал какую-то неловкость.

— Мы ведь тогда совсем иначе были воспитаны, — зачем-то оправдывался я. — Папа у меня, например, был верным коммунистом, блокадником, фронтовиком... Вы уж простите, что тогда так получилось... — произнес я, словно извинялся за себя, моих одноклассников, да и вообще за учителей, и особенно за нашу директоршу.

— Так я уже и забыл про это... — мирно, как ни в чем не бывало, отвечал священник. — Если бы вы сегодня не напомнили мне про тот случай, точно бы сам не вспомнил. — Спокойно отреагировал на мои слова отец Александр. — Это же когда все было, в детстве... смешно даже. — Он задумался и добавил. — Помню, что мне тогда родители новый крестик дали. А знаете, а потом и тот куда-то подевался. Беда с этими крестиками... особенно у маленьких детей. Всякое бывает, они потом у меня на исповеди переживают, плачут... — Он улыбнулся. В тот момент и нам казалось, что мы тоже улыбаемся. Но мне внутри было не до улыбок.

Когда я налил батюшке принесенного пива, отец Александр тут же осушил свой стакан. В этот момент жажда жизни и правды Божией присутствовала в нем так органично и благостно, словно и не было тех лет, в которые он из маленького мальчика превратился в такого зрелого, такого мудрого и душевного батюшку. В тот вечер он вел себя так, будто мы на самом деле были давным-давно знакомы и лишь сегодня совершенно случайно встретились и снова вспомнили ту историю, и даже в чем-то вместе позабавились. По крайней мере, ему было легко на сердце и светло.

Буквально через какое-то мгновение отец Александр от выпитого пива совершенно «поплыл», словно выпил не менее стакана водки. Глаза его посоловели, и мы предложили ему прилечь. Когда батюшка мирно и чинно заснул, я остался сидеть как пришибленный возле его ног. Будто не знал, куда мне деваться в собственной квартире. Все, что в эти мгновения меня наполняло, — это было совершенно мне непонятное чувство стыда. Откуда этот стыд взялся — я не представлял. Ведь за прожитые годы много чего пришлось пережить, много чего увидеть и перечувствовать. Все, казалось, стерлось и кануло безвозвратно. Однако теперь все это было не так.

Неожиданно у меня вырвались слезы. Я сидел и навзрыд рыдал над глубоко и мирно спящим священником, с которого в детстве мы все вместе в одном дружном молчаливом коллективном порыве сорвали крест Христов. По крайней мере, именно так я в те минуты все это ощущал. В то же время, спящее усталое лицо священника выражало безмятежное чувство всепрощения и умиротворения. Я даже на мгновение позавидовал ему. Моя причастность к той постыдной истории с крестиком казалось мне такой очевидной и ясной, что я, с самым искренним

желанием, готов был в одночасье провалиться сквозь землю, лишь бы сейчас изменить то, что случилось с нами в те далекие годы. В эти мгновения мне казалось, что уже ничто меня не могло оправдать. Все в душе буквально ополчилось против меня, словно я увидел в самом себе какого-то затаившегося врага. Коварного, страшного и лукавого.

В ту ночь я так и не заснул. Как потом ушел из моей жизни этот священник, я уже и не помню. Но та история навсегда так и осталась сидеть во мне, словно глубокая и больная заноза.